

Э. Строганова

The book cover features a dark, atmospheric illustration. A young woman with light brown hair, wearing a white button-down shirt, stands in the center-right. She holds a thin, vertical metal rod with both hands. A clear plastic drip chamber hangs from the rod, with a single drop of liquid falling. The background is a dark, textured space with a large, glowing blue, ethereal shape on the left. The bottom of the cover is framed by a dark, ornate border with a large, light-colored flower on the right. The title is written in a white, elegant script font across the bottom.

Эвфемизм
для безумия

18+

Эрика Строганова

Эвфемизм для безумия

«Автор»

2026

Строганова Э.

Эвфемизм для безумия / Э. Строганова — «Автор», 2026

Что вы знаете о своей жизни, Дорогой читатель? Знания эфемерны, и в одно мгновение ваша истина может обернуться прахом. Именно это предстоит принять Александре, когда она приходит в себя в стенах дома скорби Святого Георгия. В месте, где граница между сном и явью безвозвратно стирается, правда становится единственным шансом на спасение. Но хватит ли ей мужества заглянуть за последнюю дверь? Ведь самая страшная ложь — та, в которую веришь сам, а самая горькая правда начинается со знакомого шепота: «С возвращением»

© Строганова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эрика Строганова

Эвфемизм для безумия

Глава 1

Посвящаю близким и дорогим моему сердцу людям, которые верили в меня даже тогда, когда я сама в себе сомневалась. Спасибо, что прошли этот путь со мной.

*Сколь тяжелы людские тяготы, если в час роковой тишины,
Когда помыслы наши и беды дьяволом взвешены и сочтены?
Он ложится на плечо тенью, крадущей твой подлинный страх,
Оставляя лишь привкус неги и пепел сомнений в глазах.*

*Ему ведомо, кто безрассудно бесстрашен, и кто здесь настоящий герой,
Но пред истинным ликом смерти не каждый примет покой.
И отныне ничто не важно, ведь Он чаши сместил к греху.
Познает ли счастье отважный — тот, кто судьбу обратил в труху?*

«Я не ведала, как долго длилось мое заточение. Дни сливались в бесцветную череду. Стены этого места так давили на меня, точно в попытке поглотить целиком. Почему я здесь? Всему началом был кошмар. Смерть... этому не должно было случиться. Затем я растворилась. Краски действительности смешались с химерами моего воображения, и я более не могла отличить явь от грез.»

13 июня 1883

— Новый день — новые мысли, верно ведь? — внезапно прервал молчание Питт, и Александра, словно пробудившись от глубокого сна, оторвала взгляд от холста. Кисть, запятнанная красками, застыла в ее руке. — О чем тревожится твое сердце?

— Я не знаю, — ответила она, и в прежде беспристрастных глазах мелькнул отблеск жизни. Она попыталась вспомнить, о чем размышляла в последние мгновения. — По всей видимости, очередной порыв. Быть может, мне стоит уже перестать рисовать?

— О чем ты говоришь? Я просто думаю, что ты принадлежишь к тем, «избранным». Видишь то, чего не дано узреть обычным смертным.

С этими словами он шутливо прикоснулся пальцем к виску, словно намекая на ее чудачество. Александра взглянула на него, и уголки губ непроизвольно приподнялись в легкой улыбке.

— Считаешь меня безумной?

— Упаси Господь, я лишь констатирую факт, — обезоруживающе подняв руки, ответил Питт. Александра позволила себе шутливый удар по его плечу, и звонкий смех ее разнесся по окрестности.

— Разве ты не чувствуешь сам? Мир замирает, когда мы на него не смотрим.

Легкое дыхание ветерка трепало пряди волос, выбившиеся из косы, и нежно ласкало женскую кожу. Лучи солнца, пробиваясь сквозь густую листву деревьев, узкими полосками ложились на холст, преображая его до неузнаваемости. В этом дивном свете картина словно оживала. Питт, прикрыв глаза, тихо насвистывал ту же мелодию, что выводили трели птиц в парке. Александра, вытянув ноги и подставив их солнцу, прикрыла веки. В душе ее царило

такое умиротворение, такая безмятежная тишина, что она на мгновение усомнилась в реальности происходящего. Какой дивный день!

1 октября 1886

«Как же мучительно... голова. Она такая... тяжелая»

Веки медленно дрожали, то опускаясь, то поднимаясь. С каждой секундой пульсирующая боль в висках становилась все нестерпимее, сдавливая мозг с неумолимой силой. Она не чувствовала своего тела — оно казалось ей чужим — и не ощущала ничего, кроме той адской муки и ослепляющего света, принуждавшего ее глаза закатываться. Постепенно мутные тени начали обретать очертания, складываясь в смутные силуэты.

— Мисс Лонгсворт... вы... слышите? — тихий, словно доносящийся издалека, мужской голос тонул в гуле, терзавшем ее сознание. Ответить не получилось, поскольку тело ей было совсем неподвластно. Она с трудом перевела взор на правую руку, где виднелась игла катетера, и предприняла тщетную попытку пошевелить пальцами. — Мисс Лонгсворт, прошу вас, подайте знак, если вы меня слышите, — низкий голос мужчины звучал вкрадчиво и почти усыпляюще действовал на нее, однако Александра, преодолевая слабость, заставила себя едва заметно кивнуть. К тому моменту мужчина уже обратился к другому сотруднику. — Лесли, пациентка пришла в сознание, позаботьтесь о ней.

В палату вошла сестра милосердия. Черты ее лица виделись расплывчатыми, а белый халат почти сливался со стенами, но все же пациентка, несмотря на свое изнеможение, смогла различить на ее устах ласковую улыбку.

— С возвращением, Александра.

Казалось, даже сама попытка осмыслить эти слова причиняла боль, сопоставимую с ударом тяжелого молота.

— Вам надлежит отдохнуть. Я навещу вас позднее, когда самочувствие станет лучше, — заверила Лесли, умело сменив капельницу. Сестра милосердия торопливо оглядела подопечную, прежде чем покинула палату.

«Проклятье...» — лишь единственная мысль поселилась в голове Александры, после чего пациентка поспешно провалилась в пучину забытья.

Когда она очнулась в следующий раз, головная боль отступила, оставив лишь тупой гул, но тело все равно казалось чужим и не принадлежащим ей, точно набитое ватой. Веки стали легче, но глаза были словно засыпаны песком; разум уже не терзали мучительные мысли, хотя в нем царил хаос и смутное беспокойство. Она перевела взор на собственные руки и поблагодарила Господа, отметив, что тонкие пальцы шевелятся и даже более — она чувствовала, как ее тело возвращается под контроль разума. Какое благоговейное чувство!

Палата, в которой она находилась, была пуста. Александра медленно осмотрелась, отмечая скромные размеры помещения, скудную обстановку и зарешеченное окно. Пустующая кровать, застланная точь-в-точь такую же простыней, лишь усиливала ощущение заброшенности и запустения. Она мысленно сравнила этот уголок с тюремной камерой — пусть даже ей, к счастью, не представлялась возможность побывать там прежде — поскольку ощущение контроля и даже давления на ее персону было сравнимо только с физическим насилием.

Она смутно припоминала свое имя, однако и оно сейчас казалось ей чужим и незнакомым. Ни малейшего воспоминания о том, как она могла здесь оказаться, или что с ней могло произойти, и это тревожное предчувствие сжимало ее сердце. Александра осторожно присела на кровати, сясь бороться с мыслями и оценить обстановку.

Первое, что она смогла заметить — невероятная, всепоглощающая тишина. И тишина эта так сильно сжимала виски, так сильно сдавливала мозг изнутри, точно женской голове должно было разорваться. И лишь едва различимый писк неизвестного аппарата, доносив-

шийся из коридора, свидетельствовал о присутствии жизни в этом угнетающем месте, являясь спасением для ее терзаемого разума. Незнание и отсутствие каких-либо воспоминаний о произошедшем заставляли ее сердце биться в тревожной агонии и, перебирая мысль за мыслью в попытке ухватиться за подходящую, она размышляла о том, какой препарат ей вкололи. Александра осторожно поднялась с кровати и подошла к стене, ощупывая ее неровности и скользя пальцами по тонкой трещине, но размышления ее были вынуждены прерваться тихим скрипом двери.

— Вы уже проснулись? Это прекрасно! Как себя чувствуете?

Александра вздрогнула от неожиданности и обернулась к вошедшей: на пороге стояла все та же сестра милосердия, а в руках ее покоились неизвестные лекарства и стакан воды. Во взгляде Александры мелькнули презрение и страх, что не смогло ускользнуть от взора сестры.

— Уверю вас, я никогда не дам вам ничего, способного причинить вред, — возразила она, стремясь успокоить пациентку, а брови ее удивленно и даже несколько оскорбленно поползли вверх. — Это всего лишь легкое снотворное, дабы избавить вас от бессонницы. Вы плохо спали этой ночью, не так ли?

Александра замерла, охваченная леденящим ужасом.

— Откуда Вам это известно?

— Это есть общеизвестный факт: пациенты, которые только что вышли из продолжительного бессознательного состояния, нередко страдают от бессонницы.

— Бессознательного...? — прошептала Александра и невольно сжала пальцы в кулак. Взор ее постепенно затуманивался, приглушая все вокруг, а сознание отчаянно пыталось отгородиться от неприятных слов, от липкого ощущения неизвестности.

— Александра, вам надлежит прилечь и отдохнуть перед процедурой, — мягкий голос Лесли звучал подобно нежному шепоту ветра, но произнесенные слова внушали лишь тревогу. Девушка не желала ни отдыха, ни успокоения — ей казалось, что лучше исчезнуть с этого места, раствориться в воздухе, чем оставаться здесь еще на миг.

— Ах, это просто насмешка, — с горечью вырвалось у нее. — Вы все здесь... пленники безумия!

Лесли внимательно смотрела на Александру, поджав губы в едва заметном жесте сочувствия. Тяжелая рана, нанесенная телу и душе, требовала деликатного подхода, и сестра милосердия знала, что сейчас ее задача — найти тонкую грань между заботой и необходимостью.

— Если вы продолжите сопротивляться, — голос Лесли приобрел твердость, но не потерял своего тепла, — мне придется вызвать санитаров. Это будет болезненно, но я вовсе не хочу причинять вам страдания.

Она медленно положила свою теплую ладонь на холодное предплечье девушки. Контраст температур обжигал, вызывая в сознании болезненный отклик, похожий на стокгольмский синдром. Где-то в глубине души еще теплилась надежда, что эта милая девушка с ее безусловной улыбкой может стать не опорой, но хотя бы милостивым палачом в этом мрачном месте. Лесли осторожно возложила руки на ее плечи и мягко, но решительно опустила Александру на кровать. Скованный страхом взор ее столкнулся со светлыми глазами сестры милосердия. Если бы глаза и впрямь являлись зеркалом души, тогда душа Лесли сияла безмятежностью летнего утра, не затронутого тенью лечебницы. В этой чистоте Александра видела милосердие и нежность. И это чистое ощущение заставляло ее сердце разрываться, она была готова уверовать этому свету.

Вдруг, ведомая инстинктом самосохранения, Александра рванулась в сторону, пытаясь вырвать руку. Однако Лесли оказалась искусно проворнее — ее ладонь крепко сжала запястье пациентки, а игла вонзилась в сгиб локтя, успев впрыснуть часть содержимого. Александра хотела закричать, дернуться, ударить — ее мозг отдавал приказы, но тело, уже отравленное предыдущими дозами, отзывалось лишь вялой дрожью. Лесли же даже не дрогнула; она смот-

рела на Александру со столь странной, почти материнской нежностью, приглаживая ее бледную щеку. Пациентка невольно схватилась за запястье сестры милосердия — она вовсе не осознавала своей силы, когда ногти ее глубоко впились в мягкую кожу Лесли и оставили небольшие шрамы.

Сестра милосердия не обмолвилась даже словом, потому как сознавала свои рабочие обязанности и, кроме того, находилась здесь по благословению Святого Отца, а ее сестринский плат всегда находился под сердцем в качестве знака принадлежности своему призванию.

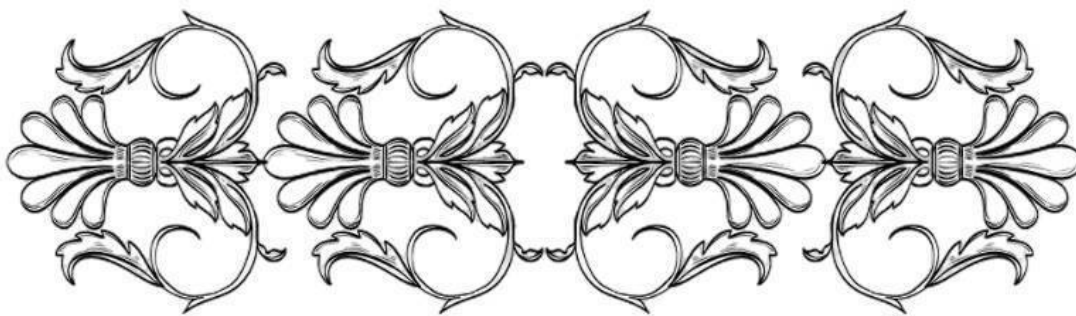
Волна резкого дурмана накрыла Александру почти мгновенно. Она почувствовала, как ее сознание отделяется от тела, превращаясь в клочок тумана. Голова покорно запрокинулась. В угасающем взоре последним ярким пятном осталось лицо Лесли, наклонившееся совсем близко. От ее волос исходил тонкий, едва осязаемый запах ромашек.

Лесли аккуратно протерла место укола спиртом. Холод ватки обжег щеку Александры — случайное, небрежное прикосновение, от которого по коже прошла последняя живая судорога.

Тихий, окончательный щелчок дверного замка прозвучал в голове Александры как выстрел. Она осталась в темноте, запертая не только в палате, но и внутри собственного онемевшего тела. Бороться было не с кем, ибо яд уже стал ее частью.

Лесли же не ушла, она прислонилась спиной к двери, и взор ее был направлен к потолку. Она простояла так недолго, стараясь унять сбившееся дыхание. Запястье пылало столь сильно, будто к нему приложили раскаленный прут. Лесли внимательно всматривалась в мелкие следы от ногтей подопечной, чувствуя, как внутри нарастает мелкая дрожь. Отвращение охватило ее с головой, и посему сестра милосердия почти побежала к сестринскому посту. Открыв кран, Лесли опустила руку под струю воды — кожу защипало. Тогда она взяла мыло и начала тереть кожу, яростно желая избавиться от навязчивого ощущения чужого прикосновения.

Дрожь в коленях стала утихать, сменяясь привычным спокойствием.

II

— Приведите ее в чувство, — раздался мужской голос, стальной и властный.

Александра, чье сознание оставалось ясным вопреки ожиданиям ее мучителей, едва уловимо вздрогнула. Она безмолвно молила Господа, дабы это невольное движение пальцев осталось незамеченным в полумраке кабинета. Она чувствовала над собой движение теней — то были санитары, чья грубая суета казалась ей лишь прелюдией к новым страданиям. Мысли ее бились в тесной клетке разума. К какой новой пытке ей надлежало приготовиться? Будет ли то резкий порыв нашатырного спирта или же унижительная пощечина?

Чьи-то немилосердные пальцы бесцеремонно приподняли ее веко, проверяя зрачок на отклик. Александра, не ожидавшая столь грубого вторжения, судорожно сжала пальцы ног.

Ее веко непроизвольно дрогнуло, силясь сомкнуться под ярким светом лампы. Она старалась дышать мерно и поверхностно, цепляясь за последнюю возможность остаться неузнанной в своем притворстве. Сердце глухо билось о ребра, точно колокол, возвещающий о неминуемой беде. Она страшилась, что дрожь в коленках выдаст ее с головой, ибо сохранять подобное самообладание в час телесного испытания казалось делом почти сверхчеловеческим.

Санитар, однако, не заподозрил обмана. Он небрежно опустил ее веко и отступил в тень, сказав коротко:

— Она пребывает в глубоком сне.

Александра вновь обрела способность дышать. Она медленно, почти бесшумно выпустила воздух из груди, ощущая, как невидимая тяжесть на мгновение покинула хрупкие плечи.

— Превосходно, — вновь этот холодный, исполненный тайной угрозы голос ворвался в ее краткое забытие. — Однако я просил вернуть ее к сознанию, а не просто удостовериться в глубоком сне.

В этих словах слышалось такое нетерпение, что Александре почудилось, будто сам воздух в комнате начал застывать. Санитары вновь засуетились, гремя металлическими инструментами. В следующее мгновение резкий, удушливый запах аммиака разорвал тишину, ворвавшись в грудь. Глаза Александры невольно закатились от острой, свербящей боли в носу.

Более скрывать истину было невозможным. Она медленно открыла глаза, часто моргая, пока слезы, вызванные едким паром, застилали ей взор. Тяжелый кашель сотряс ее тело. Приподняв голову, она встретила взглядом со своим Доктором. Лицо его было безупречно правильным и совершенно неподвижным. Он склонился над ней, наслаждаясь беззащитностью Александры с безжалостной грацией. Блеск его глаз в свете лампы был лишен живого тепла, какое виделось в глазах Лесли — то был бесстрастный взгляд, возвращающий к суровой реальности этих стен.

— Я искренне рад вашему возвращению, — произнес Доктор, и губы его тронула улыбка, в которой проступила лишь тонкая насмешка. Каждое его слово было пропитано ядовитой, приторной вежливостью. — Как вы находите свое состояние, дитя мое?

Доктор слегка приподнял бровь, склоняясь еще ближе. Он упивался своим превосходством, сознательно выстраивая вокруг пациентки атмосферу удушающей тревоги. Александра вжалась в спинку кресла, ощущая себя до крайности уязвимой, и сжала руки в кулаки, пряча их в складках одежды.

— Мое состояние удовлетворительно, — выговорила она сквозь зубы, не отводя взора. В этой дуэли глаз она ощущала свою последнюю защиту.

Доктор фыркнул, продолжив изучать ее лицо со столь бесстрастным интересом. Наконец, резким движением он отпрянул назад, возвращая ей пространство для вдоха.

— Меня зовут Доктор Мартин Норман, — он вальяжно расположился в кресле, закинув ногу на ногу, и открыл небольшой блокнот в кожаном переплете. — Позвольте узнать ваше имя?

Александра сузила глаза, силясь разгадать, какой капкан скрыт за этим невинным вопросом. Она молчала, и посему Доктор Мартин испытывал некоторое нетерпение, сочтя поведение Александры не более чем капризом неразумного дитя, отчего его глаза раздраженно устремились в небо.

— Хочу заверить вас, Александра. Мне необходимо лишь провести осмотр и составить верное представление вашего состояния, — он слегка небрежно махнул рукой.

В кабинет бесшумно проскользнула Лесли, с кроткой осторожностью притворив за собою дверь. Одно лишь присутствие сестры милосердия в этой гнетущей, застоявшейся атмосфере отозвалось в душе Александры робким, но спасительным утешением. Наконец среди этого безмолвия явилась душа, наделенная теплом и жизнью. Лесли же одарила ее тенью благосклонной улыбки.

Мужчина мельком взглянул на вошедшую коллегу, тяжело вздохнув и откинувшись на спинку стула. Он запустил пальцы в волосы, как бы стараясь справиться с накатившими эмоциями.

— Позвольте нам начать вновь, — промолвил он, и голос его смягчился, а на устах вновь заиграла улыбка.

От этой внезапной перемены в его расположении Александра ощутила глубокое смятение. Чего ей ждать от человека столь непостоянного в своих порывах?

— Как ваше имя? — осведомился он.

— Александра Лонгсворт, — кратко отозвалась девушка, рассудив, что благоразумнее будет подыграть его прихоти. Уголок губ Доктора едва заметно дрогнул, выдавая мимолетное удовлетворение.

— И сколько же вам лет?

На мгновение она замерла, стараясь обрести уверенность в собственной памяти.

— Двадцать три, — ответила Александра и, прикрыв веки, изнуренно откинула голову назад. Эта беседа истощала ее силы. Доктор же хранил молчание, с нескрываемым любопытством наблюдая за ее движениями, и на лице его проступила тень усмешки.

— И вы твердо уверены, что это имя принадлежит вам по праву?

Сердце девушки на миг замерло, и холод пробежал вдоль ее позвоночника. Она распахнула глаза, устремив потерянный взор к потолку. Воздух сделался тягостным, дыхание стало прерывистым, и грудь ее учащенно вздымалась под гнетом нахлынувшей тревоги. Мысли в ее голове замесались, а липкое чувство ужаса проникало в самое ее существо. Вопрос Доктора, подобно удару грома, лишил ее всякого равновесия.

«Но ведь мое имя... Александра Лонгсворт, я помню об этом с точностью... Александра. Так нарек меня... отец»

Легкое дрожание девичьих пальцев не укрылось от проницательного взора Лесли, и она тотчас обратила вопросительный взгляд на Доктора.

— Что с вами, Александра? — с усмешкой осведомился тот, заметив перемену в ее расположении. — Это лишь обычный вопрос, призванный уточнить детали.

Александра подняла голову на Доктора, жадно всматриваясь в черты его лица и стремясь отыскать в них хоть малую долю истины, подтверждающую, что рассудок еще не окончательно покинул ее.

— Я твердо знаю свое имя, — вымолвила она, принуждая свой голос звучать непоколебимо. Она с трудом заставила себя оторвать взор от мужчины и опустила глаза на свои трепещущие руки. Вновь подняв голову, она встретилась взглядом с Лесли — та, стоя за спиной Мартина, тревожно сдвинула брови, безмолвно разделяя с ней этот миг унижения.

— Разумеется, разумеется, — елейным тоном проворковал Доктор. — Чистейшая формальность. Мне лишь необходимо удостовериться в ясности вашего сознания.

Он что-то написал в своем блокноте и с нарочитым хлопком закрыл его, не сводя с Александры своего испытующего взгляда. Девушка невольно дрогнула.

— На сегодня вы свободны, — сухо пояснил он. — Лесли, возьмите ее под свое попечение.

Распорядившись, чтобы санитары ожидали за порогом, Доктор стремительно удалился. Лесли на мгновение замерла в замешательстве: обычно Мартин предупреждал, если намерен был оставить ее наедине с подопечной. Александра дождалась, когда первый порыв страха утихнет, и глубоко, медленно вдохнула. К ней вернулось самообладание, а вместе с ним и способность замечать то, что ее окружало. Пациентка принялась рассматривать кабинет, отмечая его странную, почти подчеркнутую скудость. Здесь не было ничего лишнего: ни книг, ни безделушек на полках — пустота пространства была столь совершенной, что в ней невозможно было

распознать личность владельца. Лишь белизна стен да функциональная мебель заполняли этот кабинет, не давая глазу ни единого повода задержаться.

— Как ваше самочувствие? — поинтересовалась Лесли, бережно изучая лицо девушки.

«О, как же утомил меня этот вопрос. Избавьте меня от него, если в вас осталась хоть капля милосердия!» — пронеслось в уме Александры, но вслух она не проронила ни слова, лишь одарив сестру милосердия исполненным горечи взглядом. Лесли понимающе склонила голову и приблизилась к ней, держа наготове катетер.

— Вам стоит прилечь, — прошептала сестра милосердия. Но Александра резко отпрянула.

— Хватит травить меня! — вскричала она, в порыве чувств забыв об осторожности. Будь на месте Лесли кто-то иной, более суровый — кто знает, какой бедой обернулась бы эта дерзость. Но сестра лишь с печалью посмотрела на пациентку и коснулась ее плеча.

— Я сочувствую вашей боли, — голос Лесли оставался тихим, и в нем слышалась та мягкая, но непоколебимая вера. — Но прошу вас, доверьтесь Доктору Мартину. Его методы направлены лишь во благо.

Она на мгновение задержала руку на плече Александры, и это прикосновение было чуть теплее и дольше, чем того требовал устав лечебницы. В ее взгляде, устремленном на пациентку, промелькнуло нечто, похожее на глубоко затаенную печаль, которую она тут же постаралась скрыть за вежливой полуулыбкой.

— Лесли? — в смятении позвала Александра.

— Простите мою медлительность, — сестра милосердия едва заметно склонила голову, и маска спокойствия вновь стала непроницаемой. Взор ее обрел прежнюю ясность. — День выдался долгим. Санитары проводят вас.

Бережно подняв Александру, она довела ее до дверей, где двое крепких мужчин тотчас подхватили девушку под руки. Она шла, едва поспевая за их тяжелым шагом, запинаясь и безвольно повисая на их руках, подобно тряпичной кукле. Не будь их грубой поддержки, Александра давно бы упала на холодный пол. Мысли ее путались, тело казалось чужим и непослушным; она была вконец истощена, точно после долгого и бесславного сражения.

В коридоре отдыхали несколько других пациентов, которым дозволено было отдохнуть под надзором санитаров. Трое из них увлеченно рисовали что-то неясное, время от времени содрагаясь всем телом и произнося бессвязные звуки — было очевидно, что недуг их глубок, но вовсе лишен злобы. И в этом было даже некое блаженное спокойствие, ибо они уже миновали ту черту, за которой страх сменяется безразличием.

Однако один юноша держался поодаль; сидя на полу и обхватив колени, он безмолвно наблюдал за происходящим. Когда санитары вели Александру по коридору, его взор оживился — прежде он не встречал ее в этих стенах. Встреча их длилась лишь мгновение, и Александра едва ли придала ей значение — в тот миг ее мало что интересовало.

В палате санитары осторожно опустили Александру на постель. Вошедшая следом Лесли коротким и властным жестом велела им отступить.

— Ступайте, — произнесла она, не допуская возражений. — Я сама сделаю вливание, оно подействует быстро.

Мужчины обменялись быстрыми взглядами, точно сомневаясь, совладает ли эта хрупкая женщина с больной, чье сознание могло вспыхнуть в любой миг, но привычка к повиновению взяла верх. Едва за ними закрылась тяжелая дверь, тишина в палате стала почти оглушительной.

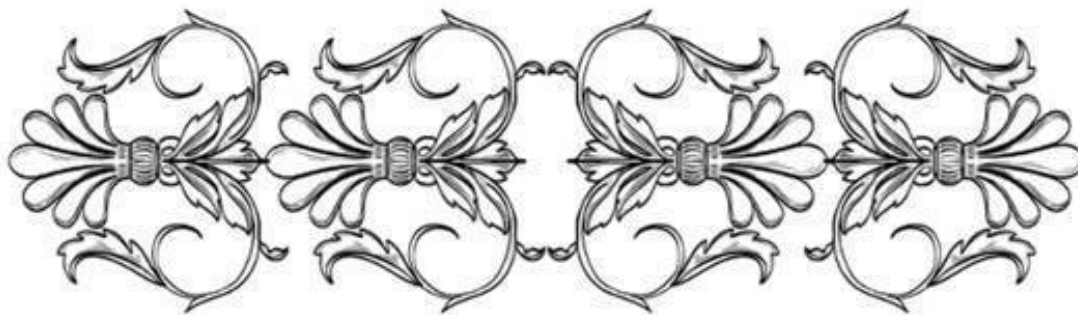
Лесли подошла к изножью кровати. В ее кармане лежал пузырек с предписанным Доктором лекарством — тем, что должно было обратить разум Александры в марево — настолько оно было сильным. Она коснулась стеклянного пузырька тонкими пальцами, но не вынула его. Вместо этого сестра милосердия взглянула на пациентку — та лежала неподвижно, уставив-

пились в потолок. Весь ее внешний вид твердил о крайней степени изнурения, за которой начинается отрешенность.

Лесли замерла, и в этот миг в ней боролись долг и совесть, но женское лицо оставалось бесстрастным. Медленным, обдуманном движением она не достала лекарство, а лишь поправила сбившиеся складки одеяла и мягко устроила голову пациентки на подушках.

Лесли всегда невольно задавалась вопросом: чья участь более тяжкая — тех ли, кто в своем недуге обрел спасительное беспамятство, или же ее собственная, вынужденная изо дня в день нести бремя бодрствующей совести? Быть тюремщиком при чужом безумии значило постепенно утрачивать и свою свободу, становясь частью этой системы.

Здесь, в доме скорби Святого Георгия, даже самые ясные мысли со временем теряли остроту, а границы между милосердием и жестокостью стирались, оставляя после себя лишь немое и безразличное послушание. Она чувствовала, что это место забирает нечто ценное у каждого, кто переступал его порог, и неважно, в качестве ли господина или раба.

III

Александра потеряла счет минутам, а быть может, и часам. Она пребывала в том тягостном оцепенении, когда взор застывает в одной точке, а все вокруг теряет четкость. Белые, испещренные трещинами стены палаты казались теперь слишком близкими, точно пространство сужалось, оставляя ей лишь этот холодный островок постели. В воздухе стоял тяжелый дух сырости, который лишь подчеркивали едкие запахи хлора и лекарств.

«Александра Лонгсворт... Неужели это имя действительно принадлежит мне?»

Доктор, без сомнения, понимал, к чему приведут его речи. Именно этого омрачения он и добивался, оставив несчастную на растерзание ее собственным раздумьям.

«Отец нарек меня так. Помню, как долго он препирался с матушкой... Она мечтала видеть во мне Офелию».

Невольная улыбка коснулась губ Александры — она нежно любила своих родителей, и одни лишь мысли о них прежде даровали ей тепло родного дома. Пациентка попыталась воскресить в памяти их лица, но воспоминания рассыпались в прах, а прошлое предстало перед ней забытым сном. Она изо всех сил напрягла память, стараясь различить лица близких, но в мысляхплыли лишь неясные силуэты. И чем отчаяннее Александра пыталась удержать их, тем стремительнее они ускользали меж пальцев, обернувшись пугающе чужими.

Она резко выпрямилась на постели, вцепившись пальцами в простыни. Ладони ее увлажнились, а сердце столь сильно билось о ребра, точно норовя выпрыгнуть из груди. Александра закрыла глаза, пытаясь унять дрожь и справиться с дыханием, от которого в горле сделалось

сухо. Но вместо привычных воспоминаний в сознании всплывали лишь обрывки слов и чужие тени, некогда составлявшие смысл ее жизни.

«Что они сотворили со мной? Отчего я не могу вспомнить их лица?»

Александра распахнула глаза, и от нахлынувшего волнения стены палаты потеряли четкость, ее била мелкая дрожь. Медлить было нельзя: она чувствовала, что должна во что бы то ни стало удержать остатки своей души и рассудка, пока они не исчезли окончательно. Ей необходимо было выбраться из этого дома скорби, прежде чем безмолвие поглотит ее.

Чувство абсолютного, ледящего одиночества медленно разливалось по телу. Александра неосознанно обхватила колени, слишком сильно впиваясь пальцами в бледную кожу. Как она очутилась здесь? Что именно произошло до того, как этот холодный покой стал ее единственной реальностью? И отчего лишь теперь эти вопросы всплыли на поверхность? Тревожное предчувствие подсказывало ей, что правда может оказаться куда невыносимее самого беспамятства.

Она взглянула в окно, откуда лился скудный свет, в котором медленно танцевали пылинки. В этой безучастности мира таилась некая несправедливость — солнце продолжало совершать свой привычный путь и освещать лучами все вокруг, даже когда ее собственное время замерло в этой тишине.

Лесли спешила к Доктору Мартину, едва не переходя на бег, однако, стараясь при этом сохранить внешнее спокойствие и не нарушить гнетущую тишину этих стен излишней суетливостью. Она едва не сбила с ног одного из пациентов, застывшего у окна. Столкновение вышло неловким: мужчина пошатнулся и, теряя опору, инстинктивно ухватился за ее халат. Лесли отпрянула, рискуя упасть следом, но крепкие руки подхватили ее и удержали на месте. Оцепенение на миг сковало сестру милосердия, и в этом невольном объятии она замерла, не в силах сразу осознать, как быстро все произошло.

— Вы не ушиблись? — негромко спросил пациент у самого ее уха. Его близость подействовала на нее отрезвляюще, и Лесли высвободилась из мужских рук, поспешно оправив халат и вернув лицу привычную сосредоточенность.

— Благодарю вас, Марк, — кратко отозвалась Лесли. — Где ваш флакон?

Мужчина извлек из больничной пижамы карманный ингалятор и показал его сестре. Она удовлетворенно кивнула и, одарив его нежным взглядом, уже более степенно направилась к Доктору. Пациент же, нахмурившись, еще долго глядел вслед ее удаляющемуся силуэту.

Поднявшись к кабинету, Лесли занесла руку, чтобы постучаться, но дверь распахнулась прежде, чем сестра успела коснуться ее. Лесли не вздрогнула и не отступила, ибо за годы службы она уже привыкла к его пугающей манере возникать на пороге именно тогда, когда его ждали меньше всего. Доктор Мартин замер в проеме, вопросительно изогнув бровь.

— Что привело вас сюда, Лесли? Не припомню, чтобы я посылал за вами, — произнес он, скрестив руки на груди. В голосе Доктора Мартина за поверхностной вежливостью скрывалось раздражение человека, чей покой и строгий распорядок были нарушены без веских на то оснований.

— Я... я желала переговорить с вами, — Лесли стушевалась под его тяжелым взглядом, в котором отчетливо читалось недовольство. — Впрочем, вижу, что час выбран неудачно.

Лицо Мартина исказилось, он резко развернулся и проследовал к своему столу. Сестра милосердия, привыкшая к его необузданному нраву, поспешно затворила дверь.

— Я слушаю вас, — бросил он, присев на край стола. Лесли медлила, подыскивая слова, чтобы не отнимать у него лишней минуты.

— Ваше поведение сегодня было... несколько необычным, — она неловко пожала плечами, избегая его глаз. Под этим взглядом всякий невольно чувствовал себя загнанным в угол. — Обычно вы рассказываете мне о своих намерениях и...

Она не успела договорить, поскольку Доктор властным жестом прервал ее, выставив ладонь и отвернувшись.

— Вы явились сюда, дабы призывать меня к ответу? — в его ледяном тоне послышалась угроза, от которой по коже прошел колючий мороз.

— Простите, Доктор, — Лесли спрятала дрожащие руки в карманы, опустив голову и повернувшись в сторону двери. — Мне не следовало беспокоить вас.

Мартин не переставал удивляться Лесли — робкая и ранимая вне рабочего времени, она преображалась, едва речь заходила о профессиональном долге, становясь воплощением твердости и ясности ума.

— Вам достаточно будет знать, что эта пациентка требует иного отношения, — промолвил он, и голос его неожиданно смягчился, когда Лесли уже была у дверей. Она замерла, пораженная неожиданным признанием, но, не найдя слов для ответа, безмолвно покинула кабинет.

Александра сидела в углу палаты, обхватив колени. С улицы доносился приглушенный гул ветра и крики птиц — здесь они казались звуками из иного, недостижимого мира. Холод кафельного пола пробирал сквозь тонкую ткань пижамы, но пациентка этого не замечала. Все ее чувства сосредоточились в уме, где беспрестанно роились обрывки воспоминаний, подобные снимкам, вырванным из старого альбома.

Кое-что она помнила отчетливо: смех отца, подбрасывающего ее в воздух; ощущение надежных рук; яркий аромат маминого вишневого пирога и бескрайнее поле на закате, где ветер ласкал ее волосы. Но чем глубже она пыталась заглянуть в прошлое, тем больше наталкивалась на пустоту. Части ее жизни исчезли, словно их вырезали из ткани памяти, оставив лишь рваные края и ощущение невосполнимой утраты. Это было подобно потере близкого человека, только еще хуже — она теряла саму себя.

Из мертвенного оцепенения ее вывели слова Лесли, внезапно всплывшие в голове: «...пациенты, которые только что вышли из продолжительного бессознательного состояния, нередко страдают от бессонницы». Тогда это прозвучало как простое сочувствие, но теперь, после допроса Доктора Мартина, картина предстала в ином свете. В его глазах был не профессиональный интерес, а сладостное любопытство.

«Они что-то сделали со мной. Стерли мою память».

Мысли заработали с пугающей ясностью. Но был один нюанс: почему часть воспоминаний уцелела? Возможно, они допустили просчет. Доктор мнил, что Александра — чистый лист, готовый принять любую навязанную реальность. Но в глубине сознания еще тлели остатки истины, и она должна была раздуть их в пламя.

«Нужно притвориться, что я ничего не помню. Стать идеальной пациенткой, послушной и смиренной. Иначе они отнимут последнее».

Мысль о том, что у нее могут отобрать даже эти крохи памяти о семье, приводила ее в ужас. Плечи Александры мелко дрожали, но страх постепенно уступал место новому чувству — надежде. Какое именно воспоминание они так тщательно скрыли? Что было настолько важным, что стоило заточения в этом месте? Предчувствие подсказывало, что скрытая правда — это знание ко всему, но искать ее было все равно что пытаться найти путь в бушующем море без компаса — обреченность на скитания вслепую, лишь с маленькой надеждой в руках.

Серый рассвет просачивался сквозь решетки, окрашивая стены в унылый цвет безнадежности. Александра почти не сомкнула глаз: едва сон пытался увлечь ее, разум восставал, стра-

шась утратить контроль. Она знала, что скоро придет Лесли, единственный человек, внушавший хоть какое-то доверие, и начнется этот мрачный день, в котором ей придется подыгрывать.

Точно по расписанию, в замке повернулся ключ. Лесли вошла с привычным набором — лекарства и стакан с водой на подносе. В ее глазах читалась странная смесь жалости и вины.

— Доброе утро, Александра, как вы се... — Лесли осеклась, припомнив прежнюю резкость подопечной. — Быть может, вам сегодня что-то снилось?

Брови пациентки взметнулись вверх от столь необычного вопроса, она безмолвно глядела на сестру с горьким скепсисом. Лесли, почувствовав себя неловко, суетливо опустила поднос на тумбу и приступила к утренним процедурам. Вновь Александра уловила тонкий, едва различимый аромат ромашек и некой свежести, исходящий от ее светлых локонов. Девушка прикрыла веки, стремясь удержать тот запах, точно он сулил ей избавление, переноса из стен лечебницы на залитый солнцем луг.

Закончив, Лесли бесцеремонно вырвала ее из забытья, протягивая лекарство. Александра замерла, с трудом сглотив подступившую к горлу тяжесть.

«Что мне делать? Отказ лишь навлечет на меня грубую силу».

— Это лекарство лишь уймет вашу тревогу, — протараторила сестра милосердия, точно сама не верила в правдивость своих слов. Александра смиренно приняла лекарство.

«Еще один шаг в пустоту», — мрачно рассудила она.

Вскоре они спустились в столовую, где дух апатии и безжизненности душил без того подавленную волю. Даже солнечный свет мнился здесь насмешкой. Больные в серых одеждах бродили меж столов, подобно бесплотным теням. Лесли покинула ее, и Александра, оставшись под надзором суровых стражей, принялась за скудную трапезу. Каша, вкусом напоминавшая клейстер, вызывала тошноту, но она принудила себя съесть хоть немного, дабы сохранить остатки сил.

Ничем не примечательные пациенты молча ели ту же самую кашу, и их лица не выражали ровно ничего. Александра почувствовала прилив горькой жалости к самой себе — она знала, что здорова, но теперь была заперта среди тех, чей разум давно угас. Эта мысль отозвалась в ней странным, болезненным смешком. Ее блуждающий взгляд вдруг остановился на молодом человеке, сидевшем посредине зала. Он пристально наблюдал за Александрой, подперев щеку рукой и едва касаясь ложкой своей тарелки.

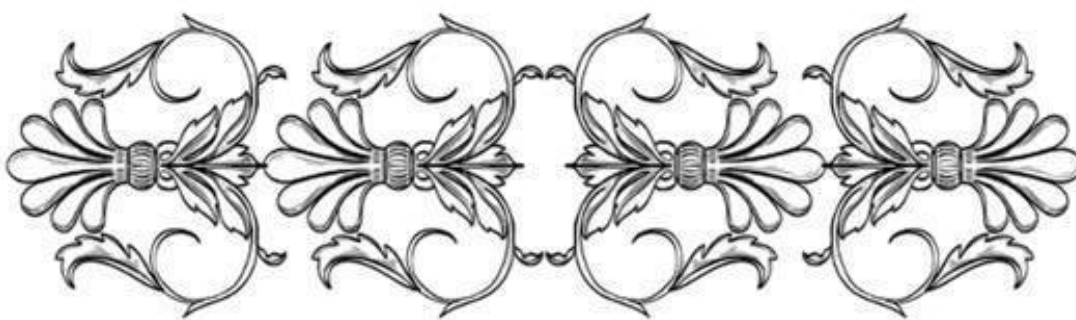
Пациентка невольно вздрогнула, тело охватило мгновенным ознобом. Однако взгляд незнакомца был настолько осмысленным, и оттого пугающим, что она не смогла отвернуться. Его осознанность пугала и притягивала одновременно. Юноша, будто почувствовав, что замечен, резко поднялся, оставив еду нетронутой. Он направился к выходу мимо других больных, которые продолжали безучастно жевать, не глядя по сторонам. В этот момент они окончательно показались ей бездушными манекенами, играющими роли в чужом, бессмысленном сценарии. Александра ощутила себя героиней трагедии, страницы которой перелистывает насмехающийся драматург. В груди у нее что-то оборвалось.

«Куда же он? Зачем?»

Сердце ее забилося с неистовой силой. Повинуясь безотчетному порыву, она бросилась вслед за незнакомцем, словно ведомая чьей-то невидимой рукой. Пациент ускорился и, переступив порог, обернулся, бросая ей немой вызов. Санитары вмиг среагировали на ее рывок и преградили ей путь. Ее запястья были больно сжаты грубыми руками, пресекающими всякие попытки вырваться. Юноша же взирал на эту сцену с легкой, презрительной усмешкой, точно знающий финал этой пьесы.

«Кто ты такой? Ты предвидел каждый мой шаг!»

В сию минуту страх в ее душе уступил место пылающему гневу — гневу на незнакомца, на Доктора Мартина и на весь этот проклятый дом скорби.

IV

Санитары вели Александру грубо, не скрывая пренебрежения, точно преступницу к месту казни. Каждый шаг отзывался в ее голове гулким эхом, подобным ударам похоронного колокола. Она не знала, какая участь уготована ей на сей раз, но предчувствовала беду. В коридоре на нее устремились взгляды: одни — осуждающие, другие — полные праздного любопытства. Разница с безразличием пациентов в столовой была столь велика, что Александра невольно содрогнулась от страха.

Появление Лесли, которая почти бежала им навстречу, принесло слабую искру надежды. Сестра милосердия замерла, и глаза ее расширились от ужаса, когда она увидела багровые следы на руках Александры.

— Довольно! Ослабьте хватку! — вспыхнула Лесли, ударив по руке одного из санитаров. Тот же нехотя подчинился, и Александра ощутила, как кровь вновь приливает к кистям, возвращая им чувствительность. Она одарила сестру мимолетным признательным взглядом. — Зачем вы преследовали его? — шепнула Лесли.

Вопрос застал пациентку врасплох. Преследовала? Кого же она могла преследовать? Александра не нашла сил для ответа и отрешенно отвернулась, уставившись в пол.

Вскоре они замерли перед массивной дверью. Едва Александра прочла на табличке: «Мартин Норман», сердце ее пропустило удар, а почва под ногами, казалось, окончательно ушла в небытие. Лесли коснулась ее руки, и в этом жесте было столько мольбы и робкого тепла, что Александра на миг вернулась к реальности.

— Молю вас, будьте благоразумны, — прошептала сестра милосердия. Она постучала, и из-за двери донеслось краткое: «Входите».

В кабинете царил полумрак. Доктор Мартин сидел за столом, не отрывая руки от бумаг. Стены были увешаны свидетельствами его достижений — холодная гордость человека, привыкшего к триумфам. В кабинете царило тяжелое благородство: дорогая отделка из дуба и массивность мебели красноречиво отражали то, как глубоко хозяин дорожил своим уединением. Он казался не врачом, а всесильной тенью, вершащей судьбы. Наконец Мартин отложил бумаги и поднял голову. В его тяжелом взгляде Александра прочла не гнев, а вновь то же сладостное любопытство. Он едва заметно кивнул санитарам, и они бесшумно удалились. Лишившись их грубой поддержки, девушка почувствовала себя беззащитной.

— Александра, присядьте.

Она медленно опустилась в глубокое кресло, не сводя глаз с Доктора. Он не спеша поднялся и замер напротив нее, скрестив руки на груди.

— Так что же произошло в столовой? — на его губах заиграла легкая, почти доверительная усмешка. Александра пыталась заговорить, но слова застряли в горле. Ее была лихорадка, но она из последних сил старалась сохранить остатки достоинства.

— Я не понимаю... — хрипло начала она, прочистив горло. — Не понимаю, о чем вы говорите.

Доктор сузил глаза, оценив ее попытку держать лицо.

— Вы нарушили порядок, Александра. Вы преследовали пациента. А ведь послушание — единственный путь к вашему исцелению, — его голос звучал вкрадчиво и мягко, что пугало ее сильнее всякого крика.

— Почему я здесь? — внезапно перебила она. Этот вызов заставил Доктора на миг умолкнуть. — От какого недуга вы намерены меня излечить?

В ее тоне звучало отчаяние, граничащее с безрассудством.

— Ваше расстройство весьма тяжело, Александра. Вы причиняли страдания и себе, и окружающим, — ответил Доктор Мартин, внимательно наблюдая за ее реакцией. Он знал, что сомнения в собственном прошлом — самый верный способ сломить волю.

— И в чем же оно заключается? — повторила она, силясь не выдать дрожи.

Доктор Мартин выдержал томительную паузу.

— У вас диссоциативное расстройство, усложненное бредовыми идеями и вспышками агрессии, — произнес он ровным, бесстрастным тоном. — Вы представляли серьезную угрозу. Именно поэтому ваши родители приняли столь мучительное, но необходимое решение — вверить вас заботам нашей лечебницы.

— Ложь! — Александра вскочила с места, ее голос сорвался на крик. Сердце пылало в груди, а шум в ушах заглушал все прочие звуки. Слезы застлали взор, и облик Доктора поплыл в тумане. — Это наглая ложь!

Она чувствовала, как гнев вытесняет страх, но в самой глубине души шевельнулся ядовитый червь сомнения. Она вовсе не верила словам Мартина, и его речи рассыпались, едва сталкиваясь с рассудком. Где же были доказательства? Где хоть единая крупинка истины в том потоке напыщенных заверений? Но куда страшнее лжи была другая, невыносимая мысль — быть может, родители действительно могли обречь ее на это заточение?

Мужчина аккуратно смахнул скатившуюся по щеке слезу Александры, медленно приподняв ее голову за подбородок. Его прикосновение было обманчиво нежным.

— Я понимаю ваши чувства, — тихо произнес Доктор, заставив девушку внимать его голосу. — Но это правда. У нас есть все документы и свидетельские показания. Ваши родители... очень переживают за вас.

Пациентка безучастно хлопала ресницами, устремив взгляд в пол. Она глубоко зарылась в свои мысли и боролась с каждой из них.

— Мои родители... Я не могу их вспомнить, — тихо сказала Александра. В ее глазах застыли слезы; и эти слезы, медленно катившиеся по бледным щекам, жгли ее, как расплавленный свинец — столь беспощадным было чувство предательства. Доктор хранил тяжелое молчание, он смотрел на пациентку с тем бесстрастным выжиданием, которое свойственно людям, привыкшим препарировать чужую боль. Он давал ей время осознать неизбежное, позволив тишине кабинета довершить начатое — окончательно растоптать веру в родительское милосердие.

— Именно в этом и заключается проблема, Александра, — он говорил мягко, словно успокаивал ребенка. — Ваша память избирательна. Вы подавляете воспоминания о тех событиях, которые причинили вам боль. Это защитная функция вашего разума.

— Что это за события? — спросила Александра, распахнув свои покрасневшие от слез глаза. Доктор удерживал свой взор еще какое-то время, резко отойдя от пациентки. Он вернулся в свое кресло, сложив руки в замок перед собой.

— Это очень болезненная для вашей психики история. Сейчас еще рано знать об этом, — Доктор отчеканил это так холодно, словно заканчивая на этом их беседу. — Мы отошли от темы, Александра. Но я решил простить вам сегодняшнюю оплошность... на первый раз. Следующей уже не потерплю в стенах своей лечебницы.

Но Александра была уже бесконечно далека от стен этого кабинета. Доводы Доктора сделались для нее не более чем докучливым шумом. Ей не было решительно никакого дела ни до его диагнозов, ни до самой своей участи. Пусть распоряжается судьбой как угодно, пусть хоть под гильотину отправляет — в душе ее выжженная пустота была страшнее любого эшафота.

Сердце сжималось под гнетом предательских мыслей. В самой глубине души проросло сомнение: а что, если слова Доктора — истина? Противоречивые чувства вонзались в нее. Дыхание Александры сделалось прерывистым, руки похолодели. Она отчаянно цеплялась за обрывки воспоминаний, но память по-прежнему хранила лишь звонкий смех отца и нежную ласку матери. Как могли эти люди обречь ее на подобную участь? Образы прошлого были столь яркими, что разум отказывался верить в предательство.

Пока пациентка пребывала в этом мучительном оцепенении, Доктор Мартин беззвучно нажал на кнопку вызова. Санитары явились в кабинет незамедлительно, словно ждали знака за дверью.

— Верните ее в палату, — распорядился Мартин ледяным тоном. — И будьте осторожны. Перед вами женщина!

Сотрудники подняли ее с неожиданной бережливостью, опасаясь вызвать гнев начальника. Александру устроили на носилках и закрепили ремнями, но она не оказала ни малейшего сопротивления. Девушка безучастно взирала в пустоту; она казалась лишь безжизненной оболочкой, покинутой духом. Стоило процессии пересечь порог, как к ним бросилась Лесли.

Увидев состояние подопечной, сестра милосердия едва не вскрикнула от испуга, заподозрив худшее, но тотчас сдержала порыв, зная, что объяснения с Доктором сейчас не принесут плодов.

И вновь Александру несли по злосчастным коридорам, точно печальный трофей, заставляя праздных зевак отрываться от своих занятий.

Вторники вызывали у Кайла чувство глубокого, почти физического отвращения. В особенности те тягостные часы, что были посвящены общественным беседам под надзором доктора Смита. Этот джентльмен, чье лицо застыло в маске вечной благожелательности, терзал Кайла расспросами о душевной боли с настойчивостью, достойной худшего из инквизиторов.

Кайл обыкновенно занимал место поодаль, у самых дверей, и мерно постукивал пальцем по колену, коротая время в плену этой навязанной вежливости. Он в совершенстве овладел искусством притворного внимания, хотя в действительности мысли его блуждали далеко.

Внезапно монотонное бормотание доктора было прервано резким шумом, донесшимся из коридора. Сначала послышались торопливые шаги, затем — приглушенные, тревожные голоса. Это происшествие заинтересовало Кайла куда более, нежели стенания миссис Джонс, оплакивавшей своего кота. Бедное животное, судя по деталям рассказа, отошло в мир иной еще в прошлом столетии, да и сама почтенная дама казалась ровесницей древних руин.

«Что, если я просто покину групповую терапию?» — дерзкая мысль промелькнула в его уме. Он едва сдержал усмешку, представив изумление на лице Смита, но рассудил, что в его положении хитрость послужит лучшим путем, нежели открытое хамство.

Вдруг, Кайл судорожно схватился за горло и, издав глухой, хриплый звук, соскользнул со стула. Внимание присутствующих мгновенно переключилось на него. Он забился в натужном, мучительном кашле, корчась на полу и, будто в беспамятстве, продвигаясь к выходу.

— Воздуха... — выдохнул он, искусно изображая смертное удушье. — Тяжесть... в груди...

Его рука коснулась двери, и в образовавшуюся щель он увидел то, что заставило его сердце на миг замереть. Мимо носилок, которые несли санитары, проплыло бледное лицо Александры. Она пребывала в пугающем, неестественном спокойствии, точно восковая фигура, а следом, едва поспевая, шла бледная, как полотно, Лесли. Их взгляды встретились лишь на краткое мгновение, но в этом невидящем, пустом взоре пациентки Кайл прочел нечто столь ужасающее, что содрогнулся всем телом. Над этим хрупким созданием совершенно точно издевались!

— Мистер Мерфи! — доктор Смит уже склонился над ним, тщетно пытаясь поднять подопечного. — Что с вами, Кайл? Придите в себя!

Санитары уже скрылись за поворотом коридора. Кайл повернулся к врачу, по-прежнему имитируя немощь, но кашель его постепенно утих. С помощью доктора он поднялся и опустился на стул, тяжело переводя дух.

— Прошу простить... мне уже легче, — прошептал он, прижав руку к сердцу.

Мучительный, навязчивый вопрос теперь пульсировал в его висках, заглушая наставительные речи Смита о пользе глубокого дыхания. Перед его внутренним взором застыл призрак Александры — ее алебастровая кожа и взгляд, устремленный в никуда.

Групповая терапия вновь вернулась к работе. Миссис Джонс с тем же монотонным усердием обратилась к своим утратам, а доктор участливо кивал в такт ее словам. Мир вновь обрел свое обманчивое равновесие, точно и не было этого минутного потрясения. И только Кайл более не находил покоя.

Он никогда прежде не заговаривал с этой странной пациенткой, но нечто в ее облике зацепило его душу. Она разительно отличалась от тех прискорбных образов, что обычно являли собой обитатели этого скорбного дома. В стенах лечебницы она показалась новым живым огоньком, и именно к ней потянулись с некой необъяснимой поспешностью. Подобная суровость едва ли диктовалась врачебным долгом или принятой практикой, она нарушала привычный порядок вещей, пробуждая в Кайле не только сочувствие, но беспокойное желание разгадать причину столь неуместной жестокости и спешки.

Холодное прикосновение к плечу вырвало Александру из мрачного забытья, которое казалось ей глубокой, сырой могилой. Она неохотно разомкнула веки, ощущая себя существом, только что извлеченным из небытия. Дни в этой обители скорби тянулись бесконечной, томительной чередой, один страшнее другого, те же угрюмые стены, что давили на душу, те же навязчивые визиты Доктора Мартина, приносящие лишь новые потрясения. Над ней склонилась Лесли, и лицо ее было бледным, а во взоре читалась нескрываемая, затаенная тревога.

— Александра, как вы находите свое самочувствие? — голос сестры был тих, но в нем слышалась нотка нервозности. Лесли явилась одна, без привычного сопровождения санитаров, и каждое ее движение выдавало непривычное волнение. Александра поморщилась, этот вопрос содрал остатки столь желанной дремоты, обнажив неумолимую явь. Во сне, по крайней мере, она могла на краткий миг отречься от этих давящих стен, упорно напоминавших склеп.

— Благодарю, Лесли, я в превосходном расположении духа, — Александра выдавила натянутую, почти насмехающуюся улыбку. — Если, конечно, можно считать превосходным пребывание в сей славной лечебнице, куда меня столь великодушно вверили родные родители. Знаете ли, это все походит на весьма скверную пьесу... Нет, я отказываюсь верить в подобную чушь!

В порыве нервного возбуждения Александра села на постели и запустила тонкие пальцы в рассыпавшиеся волосы. Сестра милосердия опустилась рядом — непозволительно близко для служителя лечебницы, с сочувствием, граничащим с нарушением профессионального долга.

— Доктор уже поведал вам об этом? — расстроено осведомилась Лесли, и брови ее страдальчески взметнулись. Она опустила взгляд, словно не в силах вынести ответ. — Напрасно он поспешил... Ему следовало повременить с подобными признаниями.

Александра пристально взглянула на сестру милосердия. Ситуация была в высшей степени странной, но она не шелохнулась, пытаясь разгадать, что именно кроется за этой необычайной нежностью и участием. Могли ли доброта и милосердие быть столь искренними в месте, лишенном души и света?

— Лесли, — Александра накрыла ладонью холодную руку сестры. Она вздрогнула в ответ на неожиданное прикосновение. — Скажите мне истину. Почему я здесь?

Лесли взглянула на пациентку с немимым вопросом, точно стремясь понять, к чему ведет эта жажда знания.

— Вы пережили тяжкое время. У них не оставалось иного выбора, — ответила она размеренно, словно повторяя заученный урок, но в голосе ее, несмотря на заученность фраз, не слышалось фальши.

Пациентка насмешливо фыркнула.

«Тяжкое время... Изящное прикрытие для безумия, не так ли?» — промелькнуло в ее сознании.

— Доктор Мартин изволил выразиться так же, — заметила Александра. — Что именно скрывается за этими туманными словами?

Лесли посмотрела на нее с глубокой печалью, и в этом взгляде читалась целая история невысказанных страданий.

— Я всей душой желала бы просветить вас, но Доктор...

— Я прошу вас, Лесли, — перебила ее девушка, и в голосе ее прозвучала мольба. — Не Доктора, но вас.

В душе сестры милосердия бушевал ураган. Здравый смысл, диктующий молчание и осторожность, велел уйти от ответа, но милосердие вновь одержало верх над долгом и страхом.

— Вы... вы довели до рокового шага своего близкого друга, — произнесла Лесли едва слышно, точно боясь, что даже стены этой комнаты могут подслушать столь страшное признание. Александре показалось, что мир вокруг замер, удерживая дыхание. — Мне невыразимо жаль, дитя мое.

Пациентка молчала, оглушенная этой новостью. Память вновь не давала ни единого ответа.

— Друг? У меня был друг? — Александра отчаянно пыталась воскресить хоть какой-то образ из небытия. — Я не помню его и не чувствую в своем сердце ни вины, ни любви, лишь пустоту.

— В этом и заключается милосердие вашего безумия. Разум воздвиг непреодолимую преграду, стремясь защититься от невыносимой боли, — сестра милосердия бессильно пожала плечами. Она явно порывалась обнять несчастную, но была принуждена соблюдать негласную дистанцию, столь строго установленную правилами клиники.

Александра не сводила глаз с трещины на стене, стараясь уместить в сознании это страшное известие. Было ли это правдой, сказанной со злым умыслом, или же искусной ложью, призванной сломить ее волю?

«Предательство родителей, смерть друга... Если же я причина чьей-то гибели, тогда кто же я сама? Жертва или палач?», — горькая мысль кольнула ее сердце.

Лесли поднялась, и вновь мимо пронесся знакомый ромашковый шлейф, едва уловимый, но успокаивающий. Этот аромат окутал Александру, точно призрачное успокоительное, на миг

подменяя ее сумбурные мысли чем-то безмятежным. Девушка не знала, в чем кроется тайна этого запаха, но сейчас он был ее единственным пристанищем в океане безумия, обрушившегося на нее.

— Вам необходимо отдохнуть после столь тяжких откровений, — произнесла Лесли, возвращаясь к официальному тону, точно стряхивая с себя мимолетную слабость и вновь надевая маску равнодушия. — Завтра вам предстоит новая сессия с Доктором Мартином.

Она скрылась за дверью, и едва щелкнул замок, Александра упала на подушки. Одинокая слеза, которую она не смогла удержать, скатилась по виску. Мир сузился до размеров этой душевной комнаты. Ей хотелось кричать, сокрушить эту удушающую реальность, исчезнуть, обратиться в прах... или просто забыть все, начав с чистого листа.

Единственная нить, которая связывает человека с его собственным «я» — память. Если мы не помним своих поступков, то кто мы такие на самом деле? Александра чувствовала, что ее прежняя жизнь стерта, и на месте ее личности осталась лишь звенящая тишина. Возможно, это забвение было не болезнью, а милосердием судьбы. Ведь если ты не помнишь своей вины, она не может тебя погубить. Но в то же время, лишившись прошлого, она лишилась и опоры под ногами, став лишь бледной тенью той девушки, которой когда-то была.

Истина часто кажется нам желанным даром, не так ли, дорогой читатель? Но в стенах лечебницы она легко превращалась в яд. Мы отчаянно ищем ответы на вопросы, не задумываясь, хватит ли у нас сил вынести их тяжесть. Иногда неведение — это последний рубеж, отделяющий рассудок от окончательного падения в пропасть. Быть жертвой чужого предательства — горько, но осознать себя виновницей чьей-то гибели и при этом не иметь ни одного кадра в памяти, чтобы оправдаться перед самой собой, — это испытание, которое едва ли под силу человеку. В тишине своей палаты Александра начала понимать: ее беспамятство было защитой, пусть и совсем едва. Когда так жаждете истины, имейте же смелость смотреть ей в лицо.

Доктор восседал в своем кабинете, глубоко погруженный в изучение бумаг, касающихся его новой подопечной. Он задумчиво откинулся на высокую спинку кресла, приложив палец к губам. В сгущавшихся сумерках черты его лица сделались еще более резкими, приобретая хищное и сосредоточенное выражение. Мысли его сплетались меж собой, суля великое открытие, но внезапный, непозволительно резкий стук в дверь оборвал его рассуждения. Мартин издал тяжелый, шумный вздох, едва подавляя вспышку гнева. Он дал себе безмолвное обещание немедленно расчитать этого дилетанта, как только выкроит для того свободную минуту.

— Войдите, — процедил он сквозь зубы, не меняя позы.

Однако вошедший не выказал ни тени должного почтения. Не дожидаясь дозволения, он ворвался в кабинет, и в глазах его горел лихорадочный, почти безумный блеск.

— Прошу прощения, Доктор! — воскликнул молодой человек, кажется, другой сотрудник, суетливо поправляя сползающие очки и сжимая в дрожащей руке ворох исписанных листов. — Эти сведения... они не терпят ни малейшего промедления! Взгляните сами, умоляю вас, это превосходит все наши ожидания!

Молодой человек, чьи движения были порывисты, а волосы пребывали в величайшем беспорядке, подлетел к столу и почти швырнул отчеты на его гладкую поверхность. Мартин, прищурившись, перевел на них свой взор. В самой глубине его зрачков мелькнул живой, искристый интерес, но внешне он сохранил маску совершенной невозмутимости. Для него этот юноша был лишь досадным шумом, мешающим триумфу чистого разума.

— Благодарю вас, — сухо бросил он, не удостоивая помощника ни взглядом, ни лишним словом. — Вы свободны. Можете идти.

Юноша, не смея ожидать повторного приказа, поспешно кивнул и ретировался, стараясь прикрыть дверь как можно тише. Оставшись в одиночестве, Доктор принялся внимательно изучать полученные данные. Его взгляд скользил по строкам, впитывая цифры и факты, пока не замер на одном заключении:

«Результаты анализа крови — девяносто семь процентов совпадения».

Губы Мартина медленно растянулись в торжествующей улыбке. В этот миг в нем умолк врач, уступив место человеку, чей расчет оказался безупречен. Он смотрел перед собой с ярым восторгом.

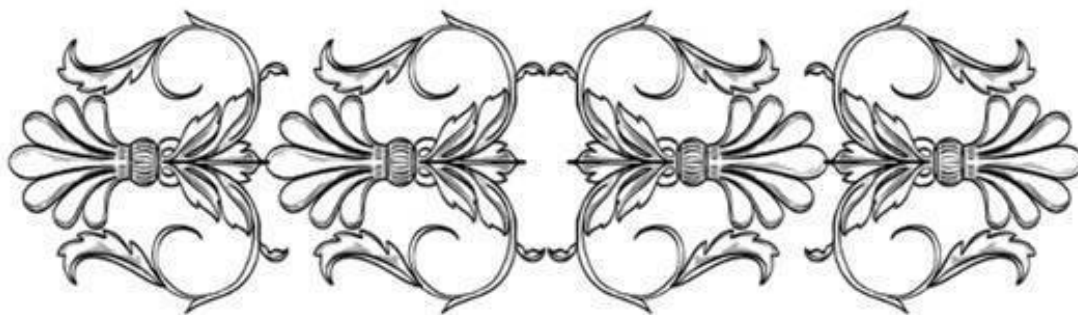
— Я не ошибся. Интуиция, она вновь не подвела меня, — произнес он, и холодный свет лампы отразился в его глазах.

Мартин медленно поправил манжеты, наслаждаясь тишиной, которая воцарилась в кабинете вслед за его словами.

Он выдвинул ящик, и пальцы его бережно извлекли небольшой кулон. Мужчина приоткрыл замочек, и его дыхание замерло. Он смотрел внутрь с такой щемящей нежностью, какая казалась невозможной в его глазах. Пальцы едва заметно задрожали, когда Мартин произнес:

— Я уже столь близок.

Доктор прерывисто выдохнул и вернул кулон в самый угол темного ящика, а лицо его приняло обычное, бесстрастное выражение.

V

Послеобеденное время в лечебнице всегда походило на обманчивое затишье перед неминуемой бурей. Утренние процедуры и лекарства остались позади, и пациенты, словно тени давно ушедших жизней, бродили по комнате отдыха, стремясь извлечь крупинцы уединения из скудного времени, дарованного им между убивающим однообразием дней. Кто-то с отрешенным видом перелистывал старые, истертые книги с вырванными страницами, тщетно пытаясь найти смысл и ответы на свои немые вопросы в случайных, обрывочных предложениях. Иные сидели у зарешеченного окна, вглядываясь в серый, безрадостный пейзаж за пределами клиники и, точно узники, мечтали о свободе, которая казалась лишь миражом. Прочие же, погруженные в свои мысли, если таковые еще обитали в их измученных сознаниях, просто сидели на продавленной скамье, уставившись в пустоту. Но даже в этой тишине, в этом кажущемся покое, витало незримое, но ощутимое напряжение. Каждый взгляд был исполнен настороженности, каждый вздох — подозрения. Казалось, все боялись нарушить хрупкое равновесие, спугнуть эту призрачную иллюзию нормальности.

Марк стоял у стены, рассматривая облупившуюся краску, и чувствовал, что еще немного, и он в буквальном смысле будет готов вскарабкаться по ней, лишь бы не лишиться рассудка в

этом проклятом месте. Он недооценил собственные силы и свою способность сопротивляться давлению, но все изменилось в считанные часы. Скрупулезное внимание Доктора Мартина, подобно блуждающему огню, метнулось куда-то в сторону... или к новому человеку? Даже санитары, как показалось Марку, словно почувствовав ослабление незримого контроля, стали вести себя более непринужденно. И только Лесли, обычно такая спокойная и нежная в своей службе, вдруг сделалась суетливой и растерянной, что было совершенно не свойственно ее натуре.

Лесли всегда благоволила к Марку, и это обстоятельство играло ему на руку, особенно учитывая тот факт, что сестра милосердия, будучи в добром расположении духа, тотчас могла «сболтнуть лишнего». Так, например, Марк и узнал о появлении в лечебнице новой пациентки. Доктор Мартин постоянно твердил об усиленном внимании к ней, к ее показателям, но Лесли недоумевала, почему эта девушка оказалась более важной подопечной, нежели бедный Томас с его шизофренией, о которой, казалось, Доктор уже совершенно забыл.

Взгляд Марка упал в дальний угол коридора, где стояли две фигуры: Доктор Мартин и некий незнакомый врач, худой и жилистый. Они что-то оживленно обсуждали, их голоса были приглушены, но даже на расстоянии чувствовалось скрытое напряжение. Доктор Мартин хмурился, пальцы его нервно теребили галстук, торчащий из-под небрежно расстегнутого халата, тогда как незнакомец жестикулировал резко и отрывисто, будто выплевывал слова.

Марк всей душой чувствовал, что этот разговор имел прямое отношение к новой пациентке. Мартин прежде никогда не удостоивал никого беседами в коридорах или иных помещениях, кроме своего личного кабинета. Его интуиция, отточенная временем пребывания в этом гнетущем месте, безошибочно подсказывала — что-то надвигается. Ему во что бы то ни стало нужно было услышать, о чем они говорят.

— Проклятье, коридор полон зевак и внимательных санитаров. Как подобраться ближе, не вызвав подозрений? — шепнул себе под нос он.

Марк чувствовал нарастающее напряжение и нескончаемый поток мыслей, который роился в его голове. Он цеплялся взглядом за каждого пациента, словно оценивая бойцов перед выходом на ринг. Наконец, его взор упал на тощего юношу, ковыляющего туда и обратно. Лесли по-доброму называла его «скромнягой», ибо он всегда отворачивал взгляд при виде сестры милосердия. Движения его были неуверенными, походка — шаткой. И в голове Марка созрел циничный, но единственно верный план.

— Прости меня, скромный мой приятель, но порой приходится прибегать к самым безрадостным мерам во имя высшей цели.

Сделав глубокий вдох, Марк неспешно двинулся вперед, осторожно оглядываясь по сторонам. Он «случайно» задел плечом тощего юношу, отчего тот полетел на пол, точно подбитый. Марк понимал, что от любого толчка «скромняга» может сильно пострадать, поэтому в последний момент слегка подстраховал его рукой, не позволив пациенту удариться слишком сильно. Но внимание всех уже было привлечено, и теперь оставалось лишь подливать масло в пламя всеобщего замешательства.

— Ему дурно! — негромко, но звучно воскликнул Марк, стараясь привлечь внимание больных и санитаров. Кто-то из пациентов испугался и начал истошно кричать, кто-то забился в угол, обхватив колени и начав раскачиваться в попытке успокоить себя, а санитары мгновенно бросились к упавшему. Марк искусно пользовался ситуацией, понимая, что время его крайне ограничено.

Он, подобно бесплотной тени, скользнул сквозь нестройную толпу пациентов в самую глубь коридора, туда, где застыли фигуры докторов. Сердце его зашло в бешеном, неровном ритме, а кровь стучала в висках с такой силой, что этот оглушительный пульс, казалось, заглушал все звуки внешнего мира.

Марку удалось подобраться достаточно близко, чтобы за завесой общего шума различить голоса врачей. Дрожащими руками он извлек свой ингалятор — этот верный спутник его приговорной немощи.

— ...слишком рискованно увеличивать дозу, — донесся до него скрипучий голос незнакомца. Этот неприятный звук заставил Марка невольно поморщиться.

— Разве я просил вас вступать со мной в пререкания? Отчего вы возомнили, что вправе пренебрегать моими распоряжениями? — голос Доктора Мартина не возвысился ни на йоту, он оставался пугающе спокойным, но в его ледяных интонациях таилась такая угроза, что пространство вокруг них, казалось, начало сжиматься. Собеседник его умолк, по всей видимости, тщетно пытаясь подыскать достойный ответ.

— Ее психика еще пребывает в стадии изучения... Мы не можем столь безрассудно обрушить на нее такую мощь, Доктор. Вспомните... «того самого», — незнакомец замялся, явно ссылаясь на некоего безымянного узника этих стен. — После подобного опыта его покой вынуждены были охранять пятеро санитаров...

Доктор Мартин издал резкий, прерывистый вздох, и наступила пауза, полная мрачных предчувствий. Марк, поглощенный услышанным, не заметил опасности, пока массивная тень не скользнула по стене, предвещая беду. В следующее мгновение чья-то грубая рука мертвой хваткой вцепилась в его плечо, заставив развернуться.

— Что ты здесь вынюхиваешь, Рид? — над самым ухом раздался голос, который Марк ненавидел всеми фибрами души. То был санитар, давняя вражда с которым едва не стоила Марку рассудка — лишь заступничество Лесли, этого нежного ангела, уберегло его тогда от ужасов электрошока. Санитар, судя по его торжествующему виду, до сих пор упивался тем призрачным превосходством, которое давала ему его жалкая власть.

Собрав в кулак остатки самообладания, Марк поспешно нацепил маску испуганного безумца. Он начал жадно, с хрипом втягивать воздух через ингалятор, проклиная необходимость казаться жалким. Крепя зубы, он опустился на колени, прикрываясь свободной рукой и издавая нечленораздельные звуки, подходящие сломленному человеку. Санитар разразился злобным, ликующим смехом.

— Что, бедняжка, дух захватило? Никак боишься вновь отведать наших «особых» процедур? — мужчина смеялся от всей души, сжимая плечо Марка. Он бесцеремонно схватил его за ворот больничной рубашки, вынуждая подняться. На деле санитар был едва ли не вдвое меньше Марка, но ослепленный властью и адреналином, он не замечал этой разницы. Марку стоило огромных усилий не распрямиться во весь рост, он смиренно поддавался, позволяя этому ничтожному существу наслаждаться мнимой победой.

— Смотри, не вырони свою трубку, — продолжал глумиться санитар, точно невоспитанный подросток, — не то захлебнешься собственным страхом.

Марка едва не захлестнула горькая ирония: как мало нужно некоторым, чтобы почувствовать себя господами мира. Одному лишь — унижить того, кто лишен прав. Он шел, приговорно ссутулившись под натиском своего врага, а в уме его бился и бился обрывок подслушанного разговора о «дозе» и «том самой» несчастном.

Утром Александра успела принять очередное лекарство под наставлением Лесли. Кажется, ей стало все чуть более безразличным. Чувства внутри потихоньку стали отмирать. Мысль о том, чтобы сойти здесь с ума, не так уж и страшила. Это было всяко лучше, чем осознавать, в какой ситуации оказалась.

— Куда мы направляемся? — безжизненно спросила Александра, точно речь шла о ком-то другом. Она шла покорно, санитарам не пришлось прибегать к силе — на этом настояла Лесли, знавшая, сколь жестокой бывает хватка этих бугаев, по-другому не назовешь.

— Вас ожидает терапия у Доктора Мартина, — Лесли позволила себе слабую улыбку, но Александра даже не обернулась. Меж бровей сестры милосердия пролегла тень сочувствия. — Вы будете заниматься живописью...

Пациентка усмехнулась, бесцеремонно прервав ее. Кажется, остатки иронии еще не покинули ее разум.

— Живописью? — Александра вскинула брови. — Что ж, полагаю, это окажет мне неоценимую помощь.

— Вы в самом деле так считаете? — Лесли едва не подпрыгнула от неожиданности, глядя на подопечную с внезапной надеждой. Александра одарила ее столь изумленным взглядом, что сестра милосердия смешалась. Остаток пути они проделали в молчании, нарушаемом лишь тихим шелестом шагов.

Проходя мимо соседнего кабинета, Александра мельком заглянула в приоткрытую дверь. Там она вновь увидела Кайла, и внезапный удар сердца напомнил ей, что она еще жива. Она поспешно отвела взгляд, силясь сохранить маску безразличия. Кайл тоже заметил ее, и в его глазах мелькнула тень сострадания.

Дверь нужного кабинета распахнулась. Доктор Мартин ждал их, сохраняя свою обычную позу, исполненную достоинства и холодного спокойствия. От него веяло такой непоколебимой уверенностью, что Александра неосознанно обхватила свои плечи, пытаясь защититься от его пронзительного взгляда.

— Добрый день, Александра, — промолвил он, точно смакуя каждый звук. Его бархатистый голос, казалось, проникал под самую кожу. Девушка гордо вскинула подбородок, подавляя инстинктивный страх. Доктор заметил это, и губы его тронула улыбка. — Вижу, вы полны решимости приступить к лечению.

Он не сводил с нее глаз, ведя эту безмолвную игру столь непринужденно, будто читал ее потаенные мысли.

— Проходите, — он отступил, приглашая ее войти. Александра колебалась лишь мгновение, прежде чем шагнуть в кабинет, оставив встревоженную Лесли за порогом. Стоило ей войти, как за спиной воцарилась тишина.

Заметив ее напряжение, Мартин тихо рассмеялся и склонился к самому ее уху:

— Не нужно страшиться меня. Страх передо мной — лишь отвлечение. Истинный враг не снаружи, а внутри. Пока вы боитесь меня, он становится только сильнее.

Александра с трудом сглотнула ком, подступивший к горлу. Слова Доктора уже начали отравлять ее рассудок.

Лишь когда Мартин отстранился и перестал нависать над пациенткой своей огромной тенью, она наконец смогла сделать глубокий, судорожный вдох. Воздух в кабинете, прежде казавшийся застойным и тяжелым, хлынул в легкие, принося временное облегчение, но не избавляя от тяжести в груди. Александра судорожно вцепилась пальцами в больничную пижаму.

Кабинет был почти пуст — белые стены, мольберт и художественные принадлежности. Все здесь было стерильным и безжизненным, как в операционной.

— Присаживайтесь, — распорядился Доктор Мартин, указывая на стул. Девушка подчинилась. — Выбирайте любые материалы, какие придутся вам по нраву.

Руки Александры, повинаясь неведомому импульсу, безошибочно выбрали акрил и широкие кисти. Она сама изумилась этой уверенности, словно ее ладони обладали собственной памятью.

— К чему это занятие? — резко спросила она. Доктор усмехнулся.

— К вам вернулся дар речи? Отрадно слышать. Подобная терапия весьма полезна при расстройствах вашей тяжести.

Он вложил кисть в ее дрожащие пальцы и понизил голос до вкрадчивого шепота:

— Мы станем изображать ваши чувства. Позвольте себе ощутить их в полной мере. Начните с того, что терзает вас в сию минуту, тревога, гнев. Выплесните их на холст.

«Уж не ваш ли портрет ли мне написать?» — горько подумала Александра, уставившись на чистую поверхность. Она замерла, не зная, как подступиться к работе. Мартин замер за ее спиной, заставив инстинктивно втянуть голову в плечи.

— А если... если я лишена таланта? — прошептала она.

— Я убежден, что в вас сокрыты дары, о коих вы и не мыслите. Позвольте им явиться миру.

Его слова звучали как заклятие, отчего Александра уставилась на холст. Ей почудилось, что точка в центре пульсирует, увлекая ее в неведомую бездну. Медленно, точно в полусне, она обмакнула кисть в алую краску. Первый мазок лег небрежно, положив начало безумию.

— Что вы чувствуете, Александра? — донесся до нее тихий вопрос.

Но она не ответила. Мир вокруг начал стремительно бледнеть, звуки приглушились, словно она погрузилась под толщу темной воды. Она вела линии уверенно и хаотично, смешивая краски в ярости и скорби. Перед внутренним взором вспыхивали образы — звонкий мужской смех, мрачные коридоры и... запах ромашек.

Сердце ее неистово забилося. Александре почудилось, что чьи-то невидимые руки смыкаются на ее шее, лишая кислорода. Она тонула в бездне собственного подсознания, захлебываясь невообразимым ужасом.

Доктор Мартин, прежде неподвижный, стремительно подошел к ней. Он заметил, как ее взгляд утратил осознанность, а губы судорожно ловили воздух. Его записи в блокноте множились, но в душе шевельнулось беспокойство. Он не ожидал столь глубокого, опасного погружения.

— Александра! — позвал он, сперва мягко, а затем сорвавшись на крик. Он грубо встряхнул ее за плечи, но она оставалась безучастной. Холодный пот выступил на лбу. Все его знания казались никчемными перед этим немым оцепенением.

В порыве ярости он схватил стакан с водой и выплеснул его в лицо пациентке. Ледяная влага подействовала подобно удару хлыста. Александра вздрогнула, веки ее затрепетали, и взгляд вновь обрел подобие осознанности.

— Что... — неясно пробормотала она.

Мартин облегченно перевел дух, поспешно скрывая волнение за маской профессионализма.

— Все в порядке, Александра. Вы лишь излишне увлеклись процессом.

Он протянул ей платок.

— Осушите лицо. И поведайте мне, что за видения посетили вас?

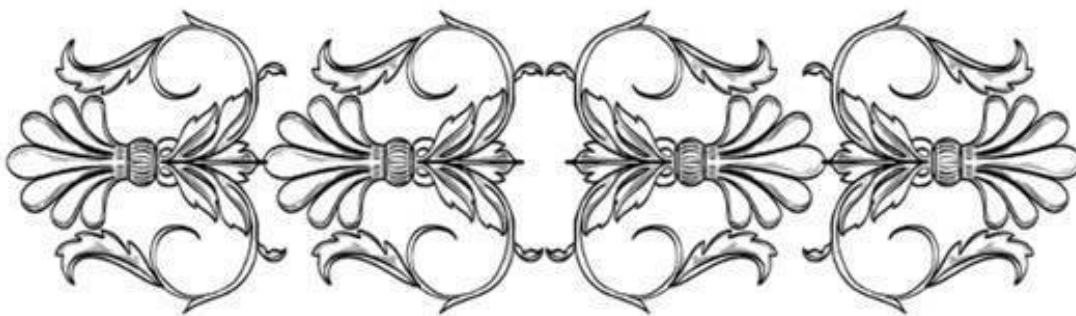
Александра уловила в его тоне плохо скрываемую ярость. Она чувствовала себя опустошенной, точно ее тело более ей не принадлежало. Холодная вода пропитала одежду, вызывая озноб.

— Не тревожьтесь, — мягко добавил Мартин, хотя глаза его по-прежнему напоминали глаза хищника, следящего за добычей. — Вам необходимо отдохнуть. Мы продолжим завтра. Если вы, разумеется, изъявите желание.

Он помог ей подняться и проводил до самой палаты, ступая рядом, как конвоир. В коридоре за их шествием наблюдали десятки глаз. Пациентка немного ступежала — как же то было странно, сам Доктор Мартин сопровождал ее в этом коридоре! Среди прочих взглядов Александра встретила самый живой, участливый взгляд незнакомого мужчины на скамье. Он чем-то напомнил ей Мартина, и она поспешно отвернулась.

— Отдохните, — произнес Доктор у порога ее палаты. — И постарайтесь вспомнить. Это важно. Для вашего выздоровления... и для меня.

Он улыбнулся и скрылся в конце коридора. Александра смотрела ему вслед, чувствуя, как ледяной страх сжимает ее сердце. Она знала, что он не отступится, пока не сокрушит ее волю и не вырвет тайну, скрытую в глубинах ее памяти. И это страшило ее сильнее самой смерти.

VI

Александра лежала неподвижно, кожей ощущая колкую сырость простыни. Тело казалось чужим, точно после изнурительного сражения, каждая мышца ныла, скованная глухим, свинцовым оцепенением. Но горше всего была пустота. Девушке почудилось, будто разум ее вновь опустошили до основания, оставив лишь призрачное эхо чужих мыслей.

Александра не находила ответов. В сознании еще теснились смутные образы: рисование, запах масляных красок и вкрадчивый голос Доктора Мартина — как вдруг все это оборвал ледяной удар воды в лицо. Мысли ее спутались, в груди вспыхнул бессловесный протест.

Она тяжело вздохнула, а в висках начала пульсировать мерная боль. Память возвращала лишь обрывки былого — бессвязные, изувеченные, не желавшие складываться в ясную картину. Над всем этим царил страх, ее тихий, неотступный спутник, который, казалось, один лишь и остался ей верен.

Александра повернулась на бок, подтянув колени к груди в поисках мнимой защиты. Она тщетно пыталась найти объяснение случившемуся, но каждая догадка лишь глубже вонзалась в сознание, оставляя после себя ядовитый холодок.

— Дыши, — приказывала она себе. — Это лишь морок, затянувшийся кошмар.

Внезапно тело ее пробила дрожь. Александра забилась в неистовом ознобе, волна отчаяния захлестнула ее, сминая остатки воли. Одинокая слеза скатилась по щеке, оставив влажный след на подушке — крошечное свидетельство немого горя. В дверь тихо постучали, но Александра не нашла в себе сил отозваться. В палату бесшумно вошла Лесли, неся поднос, на котором тускло поблескивал стакан воды и лежали лекарства. Заметив, в каком состоянии пребывает ее подопечная, сестра милосердия поспешно поставила поднос на тумбочку и склонилась над кроватью. Она осторожно взяла лицо Александры в свои ладони, стремясь оценить глубину ее страданий.

— Милая, неужели вы совсем не смыкали глаз этой ночью? — голос Лесли был полон сочувствия, она нежно стерла слезу с бледной кожи. Александра подняла на нее взгляд — пустой, затуманенный, лишенный тепла.

— Ночью? — переспросила она, и этот резкий вопрос тотчас оборвал ее истерику. Лесли поджала губы, бережно убирая влажную прядь волос с лица девушки.

— Уже утро, Александра. Вам необходимо готовиться к процедурам, — тихо ответила она.

Больная нахмурилась, чувствуя, как холод пробегает по спине. Утро? Сознание отказывалось принять эту очевидность. Казалось, с той минуты, как Александра переступила порог кабинета Доктора Мартина, миновало едва ли более часа, и все же за окном неумолимо брезжил рассвет.

Она не решилась облечь это недоумение в слова, страшась окончательно подтвердить свое безумие в глазах сестры. Но ее расширенные, полные дикого огня зрачки заставили Лесли невольно отпрянуть.

— Прежде всего вам нужно успокоиться. Примите это, — сестра милосердия протянула ей лекарство. Александра взглянула на него с нескрываемым отвращением и отстранилась. Лесли тяжело вздохнула:

— Я знаю, как вам претит это лечение. Поверьте, мне и самой горько принуждать вас. Но, Александра, это единственный путь к вашему спасению. Мы все желаем вам лишь блага.

В голосе Лесли звучала такая неподдельная нежность, что оборона девушки начала рушиться. В глазах сестры милосердия плескалось столько искренней заботы, что Александре стало стыдно за свои подозрения.

Быть может, эта женщина единственная, в ком ей еще дозволено искать опору? Ее участие казалось столь искренним. Или же все это было лишь искусным мороком и последней причудой рассудка?

Слишком раздавленная, чтобы бороться с системой, Александра молча проглотила лекарство. Желудок мгновенно скрутило в тугий узел, ей показалось, что даже глоток воды станет для нее непосильным испытанием. Она закрыла глаза, борясь с тошнотой. Лесли отвернулась, ее плечи поникли, а взгляд устремился в пустоту за окном.

— Знаете... — едва слышно начала сестра милосердия, и в этой полуфразе послышалось предвестие какой-то важной, глубоко запрятанной тайны.

Александра с трудом повернула голову, повинувшись не столько силам, сколько глубокому чувству долга перед той единственной душой, что выказывала ей подобие участия. Даже не ведая, сколь искренни были порывы сестры милосердия, она не могла оставить ее без ответа.

— Мне сдается, это испытание... эта терапия легла на ваши плечи непосильным бременем, Александра, — произнесла Лесли, и голос ее дрогнул.

Пациентка недоуменно сузила глаза, стараясь разглядеть в чертах Лесли истинный смысл ее слов. Сердце забилось чаще, и на сознание Александры легла зыбкая дымка тревоги, подобная туману, предвещающему бурю.

— Отчего вы так решили? — едва слышно сорвалось с ее уст.

Лесли выдержала долгую паузу, точно взвешивала каждое слово на весах своей совести.

— Я лишь полагаю... я чувствую, что это глубоко неверно. Все то, что ныне совершается над вами, — сестра милосердия обратила на Александру взор, который невозможно было описать: то была причудливая смесь из жалости, сомнения и, быть может, затаенной вины.

Александра замерла, боясь нарушить этот момент даже малейшим вздохом. Она не отрывала взгляда от лица Лесли, пытаясь отыскать в ее глазах ответ к разгадке своей участи.

— Но я совершенно не понимаю, что со мной происходит, — в голосе пациентки прозвучала горькая напористость. — Доктор требует от меня признаний, но я не в силах ответить даже самой себе, Лесли.

Сестра милосердия смотрела на нее мечущимся взглядом, охваченная какой-то внутренней борьбой. Наконец она шумно выдохнула и отвернулась к окну, за которым горел день.

— Мне кажется, вам необходимо переменить обстановку. Идем, подышим свежим воздухом, — произнесла Лесли так просто, точно речь шла о пустяке.

Эта внезапная перемена темы и неоконченное признание повергли Александру в смятение. Она кожей чувствовала, что сестра милосердия была на грани великого откровения, но в последний миг отступила.

— Подышать воздухом? — переспросила она неловко, сомневаясь в правдивости услышанного.

— При лечебнице есть небольшой сад. Там дозволено гулять наиболее послушным пациентам в часы отдыха. Я верю, что прикосновение живой природы пойдет во благо вашей истерзанной душе, — Лесли произнесла это с таким воодушевлением, будто сама жаждала покинуть хмурые стены едва ли не более своей подопечной. Александра же застыла в оцепенении, глядя на нее с недоверчивым укором.

— Вы уверены, что нам... дозволено... — Александра запинаясь, не в силах облечь свои сомнения в четкую речь.

Лесли решительно отмахнулась:

— Я сама извещу Доктора Мартина, что то было насущной необходимостью для вашего исцеления. Идем же. А по возвращении я принесу свежий комплект одежды.

Сестра милосердия заботливо улыбнулась и отворила дверь. Девушка медленно поднялась с постели. Она все еще не до конца верила в происходящее, но мечта о горизонте, не стесненном решетками, была сильнее страха, и она молча последовала за Лесли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.